

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ЖУРНАЛА «ГРАНИ» *

Журнал «Грани» отмечает сегодня 25 лет со дня основания. Четверть века — это большой, а по нашим эмигрантским понятиям, даже очень большой срок. Я был связан с основателями журнала и принимал непосредственное участие в подготовке его первых номеров. Тогда всем нам приходилось преодолевать невероятные трудности. Мы считали, что журнал типа «Граней» крайне необходим эмиграции. Нам хотелось верить в успех этой идеи. Евгений Романов, один из основателей и многолетний редактор журнала, в кратком вступлении к первому номеру «Граней» писал: «Мы твердо знаем, чего мы хотим, куда надо идти. У нас есть неисчерпаемый запас полновесной звонкой монеты. Но мы, к сожалению, еще не знаем, когда сможем оплатить выдаваемый вексель, когда на открытом рынке получит хождение слово 'правда'. Мы верим, что это будет».

Это было написано четверть века тому назад. Идея оказалась воплощенной в жизнь. Теперь, в юбилейные дни, мы можем сказать, что журнал оправдал свое существование, нашел свое лицо и приобрел свой круг читателей как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Основатели журнала начали осуществлять свою идею в трудные, тяжелые времена. Инициативная группа по изданию «Граней» собиралась в Менхегофе, в деревянном бараке, где, по окончании второй мировой войны, был устроен лагерь для перемещенных лиц. Тут, помимо Евгения Романова, о котором я уже упоминал, нельзя не вспомнить Константина Болдырева. Владимир Самарин, открывший наше юбилейное собрание, был прав, указав на то, что «Грани» многим обязаны Болдыреву. Самое деятельное участие в подготовке первых номеров «Граней» принимал прозаик и поэт Сергей Сергеевич Максимов, ныне покойный. Из других участников ранних «Граней» надо отметить Бориса Прянишникова, философа Сергея Левицкого, поэта и литературоведа Владимира Маркова, литературоведа и писателя Бориса Филиппова, историка русского флота и писателя Кубэ. Журнал был задуман тогда, когда над перемещенными лицами все еще висела угроза принудительной репатриации. Мы испытывали материальные трудности. Да и будущее наше было все еще неопределенным. Вот в какой обстановке готовились первые номера «Граней».

* Конспект доклада, прочитанного 23 июня 1971 г. в Нью-Йорке на собрании, посвященном юбилею журнала «Грани».

Было решено начать с собрания литературных сил. Представители «Граней» ездили по лагерям для перемещенных лиц в Германии и Австрии, в трех зонах оккупации: американской, английской и французской. Разрешение на право проезда по железной дороге в те годы также было нелегко получить от немецких или австрийских властей. Я принимал самое живое участие в таких поездках. Поэты, прозаики, литературоведы, ученые с трудом верили, что в условиях послевоенной разрухи, подавленности и неясности нашего положения можно издавать литературно-художественный и общественно-политический журнал, каким были задуманы «Грани». Самая идея издания журнала представлялась кое-кому или самообманом или авантюрой. И все-таки зачинатели журнала возвращались из лагерей для перемещенных лиц не с пустыми руками, а привозили стихи, рассказы, статьи. Журнал начал выходить.

Бросая ретроспективный взгляд на историю журнала «Грани», следует указать на три периода его развития. Первый период — это период собрания литературных сил. Не все из того, что было помещено в первых номерах «Граней», выдержало испытание временем и оказалось художественно ценным. Но что журнал в целом оправдал свое назначение с первых же номеров, мне представляется неоспоримым. Помню, с каким волнением перечитывали мы рукопись стихотворения Дмитрия Кленовского, где есть такие строки:

Все мы ныне, так или иначе
Ранены стремительной судьбой,
Но пока один зовет и плачет,
Говорит, к нему склоняясь, другой:
«Брат, да будет и тебе открыто,
Никакая рана не страшна,
Если бережно она обмыта,
Перевязана и прощена».

Помню, из-за этого стихотворения у меня еще в 1945 году возник спор с литературоведом Ю. Иссако. Мой оппонент выражал опасение, что Дмитрий Кленовский, долгие годы молчавший, свернет с акмеистического пути на путь Надсона. Я возражал, доказывая, что Надсон тут решительно непричем. Я был уверен, что Кленовский восстановит свою поэтическую технику и снова войдет в литературу гораздо более глубоко, нежели прежде. Кленовский выпустил много стихотворных сборников, и пусть сидящие в этом зале скажут: выработался ли из него подлинный и своеобразный поэт, или нет? Но именно Кленовский в самом начале творческого пути «Граней» доказал, что такой журнал нужен.

Первые номера «Граней» распроданы. Сейчас возникает уже идея — переиздать их фотоспособом, потому что они нужны университетским библиотекам. Перелистаем же пожелтевшие страницы первых номеров «Граней» и перечитаем то, что больше двадцати лет тому назад произвело самое сильное впечатление.

Вот в одном из первых номеров «Граней» появилось такое стихотворение Ивана Елагина:

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море,
А на путях дымятся груды шпал,
И проволока вянет на заборе.
Они молчат, свидетели беды,
И забывают о борьбе и тлене,
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.
Но труден день очнувшейся земли.
Уже в портах ворочаются краны,
Становятся дома на костыли,
Там города залечивают раны.
Там будут снова строить и ломать,
А человек идет дорогой к дому,
Он постучится, и откроет мать,
Откроет двери мальчику седому.

Елагин начинал в «Гранях». Он — автор ряда стихотворных сборников, доставивших ему заслуженную репутацию одного из самых выдающихся русских зарубежных поэтов.

В первых номерах «Граней» появились такие стихи Николая Моршена:

Послевоенные поля
Слегка забеливает иней,
И опустевшая земля
Нам неба кажется пустыней.
И никнет мир в печальный срок,
Как переломленное знамя,
И черепа у всех дорог
Из-под лба глядят за нами.
И кажется, что мертвецы
Узнали больше, чем живые:
Они глядят на все концы,
Бессменные сторожевые,
И сторожат последний час
Неумолимый и унылый,
Когда сомкнется мир для нас
Тесней, чем братская могила.

Автор этих стихов, Николай Моршен, тоже стал выдающимся зарубежным поэтом. Недостаток времени не позволяет мне остановиться на отделе поэзии более подробно. Отмечу только, что в «Гранях» начинали Ольга Анстей, Олег Ильинский, Лидия Алексеева. Сегодня вы их услышите во второй части нашего юбилейного собрания. Позднее, когда профиль «Граней» стал несколько иным, в этом журнале появились Иван Буркин, Ираида Легкая и другие зарубежные поэты.

Переходя к отделу прозы в ранних номерах «Граней», прежде всего хочется отметить роман Сергея Максимова «Денис Бушуев».

Роман этот доставил и автору и «Граням» самую широкую популярность в эмигрантской среде и был переведен на немецкий, английский и испанский языки. С романом «Денис Бушуев» связан первый выход «Граней» на широкую литературную дорогу.

Следует выделить также новеллу покойного Евгения Гагарина «Возвращение корнета», которую сам автор блестяще перевел на немецкий язык. Запомнился и рассказ Родиона Березова «Клоун»; были и другие прозаические произведения.

Если первый период журнала «Грани», как я уже сказал, стал периодом собирания литературных сил, причем упор делался на перемещенных лиц, то во втором периоде «Грани» принялись налаживать контакты с предвоенной зарубежной литературой. На необходимость таких контактов уже давно указывали литературоведы и писатели Владимир Марков и Борис Филиппов, оба — участники ранних номеров «Граней». Филиппова оценили после того, как он, вместе с проф. Глебом Струве, выпустил тщательно отредактированные и обстоятельными комментариями собрания сочинений Клюева, Мандельштама, нобелевского лауреата Пастернака, Анны Ахматовой.

Владимир Марков занял свое место в американском литературоведении: он, вместе с поэтом Мерилем Спарксом, составил отличную антологию русской поэзии XX века. (Стихи даются в переводах на английский, с параллельным оригинальным текстом.) Далее Марков выпустил на английском языке исследование о поэмах Хлебникова и во многих отношениях замечательную книгу по истории русского футуризма. Это — первая в истории русской и мировой литературы попытка обобщить многолетний опыт футуризма в России.

Кроме Маркова и Филиппова на необходимость налаживания контакта литераторов и ученых из перемещенных лиц с деятелями русской культуры в эмиграции, указывал и философ Сергей Левицкий. Он поместил уже в ранних номерах «Граней» ряд статей о Владимире Соловьеве, о гуманизме Достоевского, о других философских проблемах. Но осуществить практически идею таких контактов удалось двум постоянным сотрудникам «Граней». Они в этой области сделали больше всего. Это — прозаик и литературовед Леонид Денисович Ржевский и прозаик и публицист Геннадий Андреевич Хомяков (Андреев). Хомяков опубликовал в «Гранях» ряд рассказов и очерков, из которых следует особо выделить очерки о соловецком сидении автора (он был заключенным Соловецких лагерей). Леонид Ржевский напечатал в «Гранях» такие интересные, мастерски с формальной точки зрения написанные прозаические произведения, как «Девушка из бункера», «Трое в победе» и другие. Печатали он в «Гранях» и литературные статьи, из которых, пожалуй, наибольшую ценность представляет собой его работа «Светофоры на путях советского языкознания».

В значительной мере благодаря усилиям Ржевского и Хомякова, а также других постоянных сотрудников «Граней», в этом журнале стали печататься нобелевский лауреат Иван Бунин, Борис Зайцев, Илья Сургучев, другие зарубежные поэты и прозаики, имена кото-

рых останутся в литературе. Поэт и критик Юрий Терапиано многое сделал, чтобы ознакомить читателей журнала с лучшими образцами русской зарубежной поэзии. Наряду с этим, в «Гранях» продолжали появляться и новые имена. Отметим роман Анатолия Дарова «И солнце все же светит». Это — роман о блокаде Ленинграда. Анатолий Даров не раз перерабатывал и реконструировал свой роман. От переделок и переработок роман неизменно выигрывал в формально-эстетическом отношении, но несколько проигрывал в смысле содержания. Во всяком случае, когда говоришь о том, как отражена блокада Ленинграда в русской литературе, то неизменно вспоминаешь два произведения: это — «Я гражданин Ленинграда» А. Богдановича (псевдоним скончавшегося лет семь или восемь тому назад Алексея Густавовича Зоргенфрея) и «Блокаду» Анатолия Дарова. Если бы был международный литературный конкурс на тему о лучшем литературно-художественном произведении, посвященном блокаде Ленинграда, то жюри могло бы с полным правом поделить первую премию между Богдановичем и Даровым. Мне могут возразить, что Гаррисон Солсбери, автор монументального труда о блокаде Ленинграда, уделяет много внимания книге Дарова и почти игнорирует очерки Богдановича (Зоргенфрея). На мой взгляд, это только подтверждает, что труд Гаррисона Солсбери, при всех его неоспоримых достоинствах, несколько односторонен. Во всяком случае, роман Анатолия Дарова, будучи переведен на французский, пошел журналу «Грани» на пользу.

Перейдем к характеристике третьего, и ныне продолжающегося, периода творческой деятельности журнала «Грани». В этом третьем периоде «Грани» сделали и сделают главный упор на публикацию опальных и запретных в Советском Союзе произведений. «Грани» несколько ранее других периодических изданий зарубежом почувствовали, что советская литературная оттепель может смениться заморозками и даже крещенскими морозами.

В третьем периоде деятельности журнала, «Грани» перешли на опубликование «самиздатовских» произведений. Благодаря «Граням», тайное стало явным: самиздатовское стало тамиздатовским. Те произведения, которые по политическим мотивам из-за притеснения цензурой не могли увидеть свет в Советском Союзе, были впервые опубликованы в «Гранях».

В этом третьем периоде деятельности «Граней» главную роль в журнале стала играть писательница Наталья Тарасова — творчески смелый критик. Как в начале пути «Граней», так и в третьем периоде далеко не все в творческой деятельности журнала было одинаково качественно равноценным: наряду с высокохудожественными произведениями, в «Гранях» публиковались произведения эстетически неполноценные. На это нельзя закрывать глаза. И как раз тогда, когда мы празднуем 25-летие журнала «Грани», необходимо прямо и откровенно дать объективный анализ соотношения света и теней, указать и на достоинства, и на недостатки «Граней». Пора признать, что среди произведений, опубликованных в поздних номерах «Граней», есть и такие, художественные достоинства которых не-

высоки. Но в то же время припомним, что говорил Александр Блок о собрании произведений Аполлона Григорьева. А Блок говорил, что когда путешествуешь по России, то нередко видишь покосившийся забор, жалкие избенки, низкорослых лошадок — все это кажется жалким, нищенским, горестным. И в то же время все это величаво и торжественно до слез, потому что это — родное, близкое нам, то, без чего Россия не может быть Россией, воспроизведенной объективно и честно. И вот, когда бросаешь ретроспективный взгляд на третий период творческой деятельности «Граней», то нельзя не отметить, что даже посредственные или просто слабые в художественном отношении стихи, рассказы, статьи поэтов, прозаиков и литературоведов последних лет дают нам объективное представление о современной России: Россию надо принимать такой, какой она есть — застигнутой врасплох, без апологетики, но и без огульного очернения. И вот бесспорным достоинством третьего периода творческой деятельности «Граней» мне и представляется то, что в этом журнале мы находим беспристрастное воспроизведение Советского Союза, застигнутого врасплох.

В «Гранях» позднего периода, повторяю, можно встретить и высококачественные, и посредственные, и просто слабые произведения. Но в юбилейные дни время и место говорить о заслугах журнала «Грани» не только в ранние, но и в поздние периоды его деятельности. Так, «Грани» позволили не только русским, но и иностранным читателям составить себе беспристрастное представление обо всем характере творчества Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Еще больше сделано «Гранями» для справедливой оценки всего творчества нобелевского лауреата Алаксандра Исаевича Солженицына. И это оценили и эмигранты и те советские люди, которые, всем ограничениям вопреки, сумели раздобыть «Грани», и иностранцы, знающие русский язык.

Несмотря на то, что многие произведения Солженицына не похожи друг на друга, это писатель неповторимой творческой индивидуальности, крупный художник со своим лицом. И именно благодаря «Граням» пытливый читатель впервые получил возможность составить ясное представление о целостности всего творчества Солженицына.

В самом деле, в Советском Союзе Солженицына знают как автора «Одного дня Ивана Денисовича», «Матренина двора» и еще трех или четырех напечатанных в «Новом мире» произведений. В «Гранях» впервые появились его чудесные новеллы (быть может, было бы лучше назвать их «стихотворениями в прозе») и пьесы «Свеча на ветру» и «Оленья шалашовка» (ведь неоспоримый факт, что «Грани» открыли многим деятелям русского и зарубежного иностранного театра глаза на Солженицына-драматурга).

В заключение моего выступления мне хочется припомнить эпизод кинофильма «Один день Ивана Денисовича», поставленного режиссером Каспером Вреде по одноименному произведению Солженицына. В этом фильме, на английском языке, советский концентрационный лагерь, когда он ночью, залитый электрическими огнями,

кажется похож на проектируемую космическую платформу. Были критики, которые резко возражали против такой концовки фильма: по их мнению, было бы целесообразнее показать советский концентрационный лагерь в свете слабеньких мигающих электрических огней. Однако были и критики, решительно выступившие в защиту английской версии фильма «Один день Ивана Денисовича». Они говорили, что Советский Союз — это страна диких и резких контрастов: концентрационных лагерей и космических открытий, мощных гидростанций и дикой, непроходимой тайги. Фильм «Один день Ивана Денисовича» имеет своей целью дать представление о советской России, как о стране таких потрясающих контрастов.

Заканчивая свое выступление, я и хочу оценить «Грани» за то, что они за 25 лет своего существования дали представление о России как о стране противоположностей. «Грани» дают представление о соотношении света и теней в искусстве современной России.

Наконец, хочу сказать, что, как участник подготовки к печати первых номеров «Граней», я дожил до 25-летия этого журнала. Мне хотелось бы принять непосредственное участие в праздновании и пятидесятилетия со дня его существования.